

Он любил молодежь и даже однажды, не боясь обидеть своих коллег-ровесников, заявил: «Кинематограф — это искусство молодых». Михаил Ильич Ромм имел в виду не только аудиторию зрительного зала, три четверти которой сегодня, как свидетельствуют конкретные социологические исследования, постоянно составляют молодые. Он говорил и о тех, кто создает фильмы. «Вот передо мной картина молодого режиссера. Я ясно вижу ее недостатки, вижу просчеты и промахи, но я вижу и будущее этого человека, и ряд кусков вызывает у меня восхищение. И я сразу примериваю — а я мог бы сделать так? Нет. Так я уже не могу. Когда-то, может быть, смог бы, а теперь уже не могу. А ведь хочется работать именно для молодых. Кинематограф — это искусство молодых. Поспевать за ним — великий труд». Сам Михаил Ильич Ромм до своего последнего творческого часа старался поспешить, ибо видел здесь важное условие остро необходимого контакта художника с современным ему зрителем. Успешно начавший путь в кино организацией новеллы Мопассана «Пышка», поставивший затем приключенческую картину «Тринадцать», знаменитую кинодилогию о Ленине («Ленин в Октябре» и «Ленин в 1918 году»), психологически насыщенные «Мечту», «Человек № 217» и «Русский вопрос», два исторических фильма о славном русском адмирале Ушакове, мелодраму «Убийство на улице Данте», предложивший новое кинематографическое решение современного конфликта в «Девяти днях одного года» и потом в документальном фильме «Обыкновенный фашизм», непосредственно обратившийся к зрителю со своими раздумьями о трагических в истории человечества катаклизмах, их истоках и рецидивах в нынешнем дне, Ромм неустанно искал новых форм в искусстве. Воспитавший многих режиссеров нашего кино, он одновременно учился у учеников — проверял свой опыт их свежим

восприятием действительности. Он чутко прислушивался и к реакции сегодняшней молодежи на экранное искусство.

Поэтому не было ничего удивительного в том, что всегда чрезмерно занятый и уже не сильный здоровьем, усталый Михаил Ильич зимой 1965 года с живейшим интересом откликнулся на приглашение комсомольско-молодежного киноклуба Фрунзенского района столицы. Участники клуба друзей кино, собиравшегося обычно в кинотеатре «Художественный», предполагали обсудить вышедший тогда на экраны фильм «Обыкновенный фашизм» в присутствии его создателя.

Обсуждение затянулось до полуночи. В основном слушали Михаила Ильича, рассказывавшего об истории создания картины, отвечавшего на вопросы, размышлявшего вслух о событиях, происходивших в мире. Я был одним из активистов клуба и храню с той поры запись беседы выдающегося мастера нашего кинематографа с молодежью. Привязанная к конкретному поводу, она содержит интересные наблюдения и суждения, не потерявшие значения спустя семь лет после забываемого зимнего вечера. Приведу здесь некоторые его высказывания.

«После вступительной части беседу зашло чье-то замечание относительно того, что в фильме «Обыкновенный фашизм» много кадров, где марширует гитлеровский оплот, и вместе с тем якобы недостаточно показана страшная сторона фашизма — террор.

Ромм ответил:

«Как вы думаете, старался Гитлер широко снимать свой террор? Это же документальная картина. Можно было бы взять кадры из игровых фильмов «Профессор Мамлок», «Семья Оппенгейм» и из других. Французы так и сделали в своих картинах о фашизме. Идет подлинный кадр, а затем инценировка. Это несоединимо, как вода и ртуть.

«Мы смотрели в архивах всей съемочной группой, в десять пар глаз. Мы пересмотрели все научно-популярные фильмы, сделанные в тогдашней Германии, и

целый ряд других картин. Смотрели даже «Необходимость моторизации...». Благодаря этой кропотливой работе многое вы увидели в нашем фильме впервые. Многие в мире не видели того, что увидели вы...»

В 2,5 миллиона метров пленки мы отыскали только три кадра будничного Берлина тех лет. В одном — Гитлер копает землю, в другом — запечатлено

«Считаю, — возразил им Ромм, — что вас воспитывали дурными актерами: вы ожидаете в документальном фильме непременно патетики. Я слышал, как одна девушка читала «Воскресенье», она подражала Качалову. Девушка ничего не пережила, а ей и ее педагогу казалось, что ее чтение прекрасно. Я же старался говорить в фильме так, как чувствовал, и хотел, чтобы вы чувствова-

ного фашизма остается. Общие истоки. Идолопоклонство, например. Виды идолопоклонства бывают разные: идолопоклонство перед холодильником, перед стиральной машиной и т. п.

Мне довелось быть в Сан-Франциско, когда там проходили президентские выборы. Я шел по центральной улице города в субботу. Вдруг все уличное движение остановилось. Переводчик мне объяснил, что это связано с выборами. И вот что я увидел. Ехали четыре пароконные фуры. На первой — «дядя Сэм», на второй фуре англы трубили в золотые трубы. На третьей — циркачи делали всякие фокусы. На четвертой — пять девушек, почти раздетых. Время от времени они танцевали, проделывали па твиста, поворачивались, и тогда у них на мягком месте были видны какие-то буквы. Оказалось, это реклама одного из кандидатов в президенты. Такой уровень политической агитации меня просто потряс.

А вспомним Голдуотера, который в своей первой речи в предвыборной кампании так и заявил: «Я счастлив, что не отягощен интеллектом...».

Почти все, кто выступал в тот вечер или просто о чем-либо спрашивал создателя «Обыкновенного фашизма», неизменно возвращались к людям, допустившим фашистов к власти, с чем связана трагическая страница новейшей истории человечества. Говорили об ответственности каждого человека за все, что делается на земле, вспомнили героя философской сказки-притчи Экзюпери — Маленького Принца, который был один и отвечал за чистоту планеты. Михаил Ильич Ромм подхватил эту мысль:

«Разумеется, не дети исправляют мир, исправлять его должны взрослые. То, что иной ребенок любит мучить животных, лишь означает, что он повторяет историк развития человечества. Можно развить в ребенке любовь к животным, а можно развить мучительство животных. Мы развиваем любовь к животным.

Западногерманский журнал провел анкету «Мой самый счастливый день в каникулы». И вот что писа-

ли школьники: «Мой самый счастливый день был, когда мне дали поддержать автомат». Такое пишут в шестидесятые годы XX века четырнадцатилетние мальчики. Можете вы себе представить советского мальчика, который сказал бы, что он способен расстрелять? А там это было даже напечатано...

Нельзя забывать, что судьба человека в наших руках. Из него можно лепить, что угодно. Я показываю в картине много детей не от сентиментальности, хотя уже имею на нее право, ибо стар. Я прибегаю в картине к детям, потому что в основе своей они — чистый народец. Это чрезвычайно важная тема для человека сегодня. Задумаемся, откуда произрастают трагедии. Ну, хорошо, в Германии тридцатых годов любили мундир. Но современный фашизм может прийти из страны, где нет любви к мундиру, а есть господство монополий и очень низкий уровень массового мышления при высоком материальном уровне и чрезвычайной способности к истерии. Мне хотелось поговорить в картине о том, что было и что может быть...».

Вероятно, многое из того, что мы услышали в тот вечер, было намечками мыслей Михаила Ильича Ромма, с которыми он собирался пойти к многомиллионной аудитории, сделав еще один фильм-размышление — «Мир-88» (таким было его условное название). Участившиеся периоды болезни мешали Ромму сделать эту картину и первоначально намеченный срок. Последовавшая в конце прошлого года смерть мастера, с трагической внезапностью подкараулившая человека, когда, казалось, он был необычайно собран и преисполнен решимости в кратчайшее время свершить задуманное и начатое, передала эту работу в руки его учеников. Фильм вот-вот будет закончен и в недалеком будущем увидит экраны разных городов и стран. Тогда продолжится наша беседа с Михаилом Ильичом Роммом о корнях и современном облике фашизма, об ответственности всех людей за жизнь на земле.

А. ТРОШИН.

Михаил РОММ:

ОЧЕНЬ ВАЖНО ПОКАЗАТЬ, ЧТО ПРОИСХОДИТ В МИРЕ

производство ножиц, а ли и думали вместе со мной. третьем — простые люди удят рыбу. Нет ни трамваев, ни улицы, ни прачечных, матерей и детей, нет людей, которые сидят на бульварах, едят. Когда они маршируют и кричат — другое дело. Остальное как бы исчезло из поля зрения операторов. Вот весна в тогдашнем Берлине: сначала мы видим простого садовника, парочку, которая гуляет, а затем опять маршировку...

Мы снимали нынешних людей, студентов, матерей, детей, любящих. Мы хотели показать, насколько интересен каждый человек сам по себе. При третьем рейхе он исчез, осталась ревущая толпа и маршировка. Нам хотелось отыскать самых обыкновенных немцев и показать, во что они позднее превратились, хотелось, чтобы уже привлеченный материал объяснил, как произошло, что Гитлер пришел к власти.

Некоторым участникам обсуждения явилась непривычная интонация раздумий и ирония в дикторском тексте, которым Ромм сопроводил в фильме уникальные кадры. запечатлевшие главнейших фашизма. Кое-кто говорил, что, на их взгляд, здесь была бы уместнее патетика гнева.

Михаила Ильича спросили, была ли возможность показать и в этом фильме нынешние рецидивы фашизма в разных странах западного мира. Ромм, несомненно, и сам думавший об этом, ответил:

«Была, но тогда нужно было делать еще одну картину. Это очень важно — показать, что происходит в мире.

Для того, чтобы по-настоящему говорить о современном фашизме, нужно также глубоко влезать в этот материал, потому что это очень сложное явление. Другие эмблемы и другие лозунги, но общее у старого и новоспечен-